

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.69.79>

НЕОЛИТИЗАЦИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО И ЛЕСНОГО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: РАЗНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ ОДНОГО ПРОЦЕССА¹

© 2024 г. К.М. Андреев, А.С. Кудашов

Представленная статья посвящена анализу процесса перехода в новый каменный век в двух сопредельных регионах. Дана характеристика природно-климатических условий и кремневых комплексов мезолитического и раннеолитического периодов. Для лесного Среднего Поволжья приводится описание жилищных сооружений, характерных для обеих эпох. Также осуществляется поиск аналогий ранней керамике регионов и определяются вероятные источники ее заимствования. Учитываются последние разработки в области абсолютного датирования интересующих комплексов и результаты анализа технологии изготовления посуды. Различия в материальной культуре мезолитического и раннеолитического населения лесостепного Поволжья оказываются весьма значительными. Представленное обстоятельство позволяет допускать прямую миграцию населения в регион из областей, население которых было знакомо керамическим производством, что способствует его неолитизации. Для лесного Среднего Поволжья характерна преемственность в традиции кремнеобработки между средним и новым каменным веками. Определенная близость фиксируется в приемах домостроительства обоих периодов. Новация – керамика – своим происхождением, вероятно, связана с населением лесостепной зоны. Учитывая ряд приведенных обстоятельств, допустимо рассматривать неолитизацию лесного Среднего Поволжья в результате диффузии отдельных групп южного населения (елшанская культура). Они не оказывают существенного влияния на материальную культуру аборигенного населения, а традиция изготовления глиняной посуды трансформируется в результате адаптации местным населением.

Ключевые слова: археология, мезолит, ранний неолит, лесостепное Поволжье, Марийское Поволжье, неолитизация, керамические традиции, каменный инвентарь, жилища.

NEOLITIZATION OF THE FOREST STEPPE AND FOREST MIDDLE VOLGA REGION: DIFFERENT EXPRESSIONS OF THE SAME PROCESS²

K.M. Andreev, A.S. Kudashov

This article deals with a systematic analysis of the process of transition to the New Stone Age in two adjacent regions. The characteristics of natural and climatic conditions and flint complexes of the Mesolithic and Early Neolithic periods are given. For the forested Middle Volga region, a description of dwelling structures characteristic of both periods is given. A search for analogies to the early pottery of the regions is also carried out and the probable sources of its borrowing are determined. The latest developments in the field of absolute dating of the complexes of interest and the results of analyzing the technology of ware production are taken into account. The differences in the material culture of the Mesolithic and Early Neolithic population of the forest steppe Volga region are turned out to be quite significant. The presented circumstance allows us to assume direct migration of the population to the region from areas familiar with ceramic production, which contributes to its neolithization. The continuity in the tradition of flintworking between the Middle and New Stone Ages is characteristic of the Middle Volga forests. A certain closeness is recorded in the house-building techniques of both periods. The innovation – pottery – is probably related in its origin to the population of the forest steppe zone. Taking into account a number of the above-mentioned circumstances, it is acceptable to consider the neolithization of the forested Middle Volga region as a result of the diffusion of some groups of the southern

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–78–10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья»

² The research was supported by the RSF grant No. 23–78–10088 “Vectors and dynamics of cultural and historical processes in the Stone Age of the Middle Volga region”

population (Elshanka culture). They do not have a significant influence on the material culture of the aboriginal population, and the tradition of making pottery is transformed as a result of adaptation by the local population.

Keywords: archaeology, Mesolithic, Early Neolithic, forest steppe Volga region, Mari Volga region, neolithization, ceramic traditions, stone tools, dwellings.

Введение

Неолитизация – сложное и многоаспектное явление. Существуют различия во взглядах исследователей «западной» археологической школы и «постсоветской» на само понятие «новый каменный век». Если для первых неолитизация главным образом – распространение производящего хозяйства, то для вторых – появление керамики (Ошибкина, 1996). Хотя есть мнение, что и глиняная посуда не служит надежным маркером в «системе трех веков» (Колпаков, Киселева, Ткач, 2023). Оговоримся, в обоих подходах обозначенные критерии не возводятся в абсолют, определяются и другие составляющие «неолитического пакета», но именно они ставятся во главу угла. Будучи заложниками историографической парадигмы, далее мы рассматриваем неолитизацию как распространение сосудов из глины и связанное с ним начало керамического производства, в свою очередь это напрямую или опосредовано влияло на прочие изменения в материальной культуре. Представляется весьма удачной предложенная А.Н. Мазуркевичем и коллегами так называемая «септентриональная» модель неолитизации Восточной Европы, при которой происходит выборочное усвоение составляющих «неолитического пакета», в первую очередь керамики (Мазуркевич, Зайцева, Кулькова, 2017).

Распространение инноваций или конкретных вещей не происходит само по себе в отрыве от их носителей. Формы данного процесса могут значительно различаться: миграции, диффузии, инфильтрации, контакты и прочее (см., например, Zvelebil, 2004, p. 44). Немаловажным является определение скорости протекания данных процессов, а судя по последним данным, она была весьма стремительной (Dolbunova et al, 2022). Каждая из представленных форм передачи новаций приводит к специфике отношений между пришлыми и аборигенными (мезолитическими) коллективами, что находит отражение в материальной культуре. На примере двух обозначенных в названии статьи регионов мы постараемся проследить особенности отражения данного явления.

Материалы и обсуждение

Мезолит лесостепного Поволжья

Благодаря многолетним археологическим изысканиям на территории лесостепного Поволжья выявлены немногочисленные, но достаточно выразительные мезолитические комплексы (Ластовский, 2000). Согласно типологическим данным и результатам радиоуглеродного датирования, полученным в недавнее время, поздний мезолит характеризуют материалы стоянок Красный Яр I и Кочкари I (Андреев, Ластовский, 2021). На основании абсолютных датировок памятника Кочкари I допускалось его бытование в начале – первой половине VII тысячелетия до н. э. (Андреев и др., 2023), однако в последнее время методами AMS получена серия дат, которая способствует удревнению времени существования до середины VIII тысячелетия до н. э. (даты не опубликованы, находятся на стадии осмысления). Последним хронологическим диапазоном определяется период посещения стоянки Чекалино II и материалы новейших раскопок Черновки I. Более поздних мезолитических комплексов в регионе, чей возраст подкреплен результатами радиоуглеродного анализа, не выявлено.

Данные палинологического изучения культурного слоя стоянок Кочкари I и Чекалино II показывают, что в это время в лесостепном Поволжье были представлены природно-климатические условия, характерные для современной лесостепи. Широкое распространение имели березовые или смешанные березово-липовые колки, а также леса, которые приурочены преимущественно к долинам рек. Открытые пространства были заняты полынно-злаковыми группировками с участием разнотравья. В дальнейшем облесенность территории постепенно сокращается (Андреев и др., 2023).

Обозначенные абзацем выше мезолитические стоянки, которые могут характеризовать заключительный этап среднего каменного века региона, обладают значительной спецификой и имеют определенные типологические отличия друг от друга. Данное обстоятельство может быть обусловлено различными источ-

никами генезиса и связей этих комплексов. Однако, не вдаваясь в анализ особенностей материалов того или иного памятника, можно отметить следующие характерные для позднего мезолита лесостепного Поволжья черты. Основным сырьем для производства орудий служил высококачественный кремнь серого или бежевого цвета. Расщепление было нацелено на получение пластинчатых заготовок, которые составляют 30–50% находок в комплексе. Большая их часть не имеет следов вторичной обработки, что позволяет предполагать существование вкладышевых орудий. Если ретушь фиксируется, то она слабо выражена, нерегулярна и нанесена по одной, реже двум граням, преимущественно с дорсальной стороны. Нуклеусы представлены торцевыми формами, реже коническими, карандашевидными и призматическими. Резцы в основном угловые, единичны, срединные на пластинах и в количественном плане уступают скребкам, реже образуют с ними паритет (комплекс стоянки Кочкари I). Скребки выполнены на пластинчатой заготовке концевой типа, однако встречаются экземпляры на отщепках и продольных сколах, как правило тоже концевые. Проколки – немногочисленные с симметричным острием. Деревообрабатывающие орудия представлены теслами, реже топорами, единичные экземпляры имеют следы пришлифовки. В комплексах отдельных стоянок фиксируются немногочисленные наконечники с нерегулярной ретушью пера и насада, так называемого постсвидерского типа (Андреев, Ластовский, 2021).

К сожалению, помимо орудийного набора из кремня, иных следов материальной культуры мезолитического времени (серийные орудия из кости и других органических материалов, жилищные сооружения, антропологические останки) пока не обнаружено. Данное обстоятельство существенно ограничивает наши представления о среднем каменном веке лесостепного Поволжья.

Ранний неолит лесостепного Поволжья

Согласно данным палинологического анализа, период, когда в лесостепном Поволжье начинают фиксироваться ранненеолитические комплексы, связан с определенными изменениями (Спиридонова, Алешинская, 1999). Условия становятся более аридными, получают распространение открытые участки, занятые злаковой растительностью, отдель-

ные перелески сохраняются только в долинах рек, где были развиты пойменные луга. Вероятно, изменения природно-климатической обстановки привели в движение ранненеолитические группы населения.

Древнейшая глиняная посуда, которая, как было отмечено в начале статьи, для нас является основным маркером наступления нового каменного века, характеризуется следующими чертами. Она тонкостенна, плотная, с лощеной внешней поверхностью. Верхние части сосудов прямые или профилированные. Донца приостренные и плоские, утверждать хронологический приоритет первых на современном этапе изучения не представляется возможным, хотя можно допустить. Сосуды имеют яйцевидную и баночную формы, редки округлодонные чаши. Орнамент приурочен к верхней трети, зачастую он вовсе отсутствовал, а если и представлен, то ямочно-жемчужным пояском, наколами-тычками и прочерченными линиями. Последние образуют косую решетку, горизонтальные зигзаги, висячие треугольники, двойные ряды прочерченных линий с точечным заполнением. На заре изучения неолита в лесостепном Поволжье подобная посуда была выделена в специфический елшанский тип (Васильев, Выборнов, 1988), впоследствии обоснован ее самостоятельный культурный статус (Мамонов, 1999; Андреев, Выборнов, 2017).

Прежде чем перейти к характеристике орудийного комплекса ранненеолитических стоянок региона, необходимо сделать важную оговорку. Большинство из них являются многослойными, а вернее, со смешанным культурным слоем, где представлены материалы как эпохи бронзы или Средневековья, так и периодов, в которые кремнь является основным поделочным материалом при изготовлении орудий труда (энеолит, поздний неолит). Данное обстоятельство делает весьма затруднительным типологическое разделение коллекций изделий из камня подобных стоянок. Строго говоря, на данный момент для характеристики елшанской кремневой индустрии без оговорок и допущений может быть привлечен лишь комплекс стоянки Нижняя Орлянка II. В материалах поселения Красный Городок вероятно наличие мезолитической примеси. На еще одном памятнике, ранее считавшимся опорным при характеристике ранненеолитической кремне-

вой индустрии, Чекалино IV, интересующий нас горизонт перекрыт мощной пачкой слоев эпохи энеолита, а также присутствует посуда развитого и позднего неолита, что, учитывая наличие множества нор землероев, не может гарантировать «чистоты» коллекции изделий из камня.

Принимая во внимание озвученные обстоятельства, приведем краткое описание специфических черт елшанской кремневой индустрии. В качестве сырья использовался преимущественно цветной галечниковый и плитчатый кремнь плохого качества. Нуклеусы сильно сработаны, бессистемного скалывания, редко торцевые. Особенности камня препятствовали получению правильных пластинчатых заготовок, их количество около 5% от комплекса. Подавляющее большинство орудий изготовлено на отщепах и сколах. Скребки демонстрируют значительное типологическое разнообразие. Выраженные резцы не обнаружены. Ножи имеют прямолезвийную и саблевидную формы. Перфораторы с прямым или скошенным острием. Достаточно представительны деревообрабатывающие орудия – тесла и топоры, изготовленные в технике двусторонней оббивки. Наконечники листовидной формы с частичным ретушированием боковых граней, пера и насада, также к раннему неолиту могут относиться черешковые наконечники, имеющие аналогичную обработку (Андреев, Выборнов, 2017, с. 58–72).

Как и в случае с коллекциями среднего каменного века, орудий из органических материалов не выявлено. Также не многочисленны данные об особенностях домостроительства ранне-неолитических коллективов (Андреев, Выборнов, 2017, с. 73–80).

Таким образом, полигон сравнения комплексов позднего мезолита и раннего неолита ограничен изделиями из кремня. Исходя из приведенной выше краткой типологической характеристики, можно констатировать их принципиальные отличия. Они проявляются в характере используемого сырья, показателе пластинчатости индустрий и проценте орудий, изготовленных на пластинах и отщепах. Нуклеусы и орудия также не находят параллелей в представленных коллекциях и серьезно различаются как на уровне используемых заготовок, так и их конкретных типов. Данное обстоятельство позволяет

констатировать отсутствие преемственности в развитии поздне-мезолитических и ранне-неолитических кремневых комплексов лесостепного Поволжья.

Принимая во внимание положения, приведенные в начале нашей работы, представленные обстоятельства свидетельствуют об отсутствии преемственности между группами населения среднего каменного века и раннего неолита, которые являлись носителями тех или иных технологических традиций, в данном случае кремнеобработки. Следовательно, в процессе неолитизации лесостепного Поволжья мы склонны предполагать непосредственную миграцию новых коллективов иного генетического происхождения. В литературе не раз обсуждались возможные источники данного перемещения, не будем вдаваться в историографические штудии, нам представляется наиболее вероятной версия о среднеазиатском импульсе, кельтеминарская культура (Васильев, Выборнов, 1988; Андреев, Выборнов, 2017, с. 100–125).

Одним из «узких мест» миграционной версии многие годы считается различие в кремневых индустриях «метрополии» и «колонии», в частности, на это обращал внимание В.В. Ставицкий (2017, с. 88). Для среднеазиатского междуречья характерна ярко выраженная пластинчатая индустрия, в то время как для елшанской культуры, как было показано выше, – отщеповая. Однако не стоит забывать, что пришлое население оказалось в новых условиях и не было знакомо с выходами подходящего сырья. Кремневая стратегия первобытных коллективов – адаптивна, в отличие от косторезного дела или традиции изготовления глиняной посуды. Для последних «сырье» всегда обладает нужными качествами или их ему можно придать искусственно. Камень приспособить невозможно, и древний человек, напротив, вынужден был подстраиваться под него. Например, в Среднем Похоперье, бедном с точки зрения выходов кремня, на стоянках с посудой среднедонской и карамышевской культур широко встречаются изделия из кварцита, более доступного в этом регионе древнему человеку (Сурков, 2007). При этом на Верхнем и Среднем Дону предметы из этого материала для них не характерны и фиксируются единично (Синюк, 1986; Смольянинов, 2020). Примечательна трансформация каменной индустрии

стоянки Балинское-73 в условиях дефицита привычного поделочного материала, приведшая к деградации призматической техники расщепления (Шмидт, и др., 2017). Наконец, наиболее показательными, на наш взгляд, являются различия в кремневых комплексах мезолитических стоянок Веретье I и Погостище 15, а именно широкое распространение на первой пластинчатой техники расщепления и орудий на пластинах, в то время как на второй они немногочисленны (Ошибкина, 1989; Косорукова, 2017). При этом памятники находятся в единой водной системе, имеют синхронные радиоуглеродные даты и, что более примечательно, много аналогий в костяном инвентаре. В этой связи справедливо предположение Н.В. Косоруковой, что причины различий в кремневых комплексах являются следствием качества исходного сырья (Косорукова, 2017, с. 71). Таким образом, отличия в кремнеобработке даже близкородственных групп населения являются отнюдь не редким явлением.

Мезолит лесного Среднего Поволжья

Мезолитический период в лесном Среднем Поволжье приходится на время распространения лесных формаций, преобладала сосна, меньшим количеством представлены травы и мхи. Как показывают результаты палинологического анализа стоянки Дубовская XIII, к концу данного периода условия становятся более теплыми, примерно в равном количестве представлена пыльца травянистых растений и деревьев. Среди последних начинают доминировать широколиственные породы (Никитин, 2018, с. 8–9). Хотя в этом случае нельзя исключать определенной локальной специфики в районе упомянутой стоянки.

На настоящем этапе изучения, по материалам среднего каменного века региона, за исключением Мукшумской XVIII стоянки, не получено абсолютных радиоуглеродных датировок, в связи с чем не представляется возможным точно выделить ранние и поздние комплексы. Многослойные памятники с надежной стратиграфией также отсутствуют. Учитывая данное обстоятельство, далее будет приведена обобщенная характеристика мезолитических материалов региона.

Для среднего каменного века Марийского Поволжья характерно сооружение углубленных на 40–80 см жилищ, подпрямоугольной формы, преимущественно площадью 20–60 кв. м (Кудашов, 2021). Обитателями

стоянок использовался в основном кремнь вишневого и коричневого цветов валунного и плитчатого происхождения. Пластин насчитывается 10–25% от коллекции, нечасто немногим более, они редко ретушированы и могли служить вкладышами. При этом орудия примерно в равном количестве изготовлены на пластинчатой и отщеповой заготовке при незначительном приоритете первой (Никитин, 2018, с. 100–101). Представлены пластины с усеченным или скошенным ретушью торцом. На отщепах выполнены в основном скребки с ретушью на конце, на три четверти, конце-боковой или по всей окружности, изделия на пластинах – концевые. Ножи на отщепах, сколах или крупных пластинах имеют листовидную или сегментовидную формы. Острия также изготовлены на отщепах и сколах преимущественно треугольного сечения. Резцы в основном угловые на пластинах. Наконечники стрел представлены экземплярами листовидной и ромбической формы, встречаются треугольно-черешковые (Кудашов, 2020). Никитин В.В. считает, что в этом качестве могли использоваться пластины с симметричным или скошенным острием, т. н. ланцетовидные. Значительные серии образуют деревообрабатывающие орудия (до 6% от предметов со вторичной обработкой). Преобладают топоры (порядка 40%) и тесла (около 35%), также выявлены клинья, долота (примерно 20%) и стамески, большинство изготовлены в технике шлифования. Орудия и предметы быта из органических материалов не обнаружены (Никитин, 2018).

Ранний неолит лесного Среднего Поволжья

Согласно данным палинологического анализа, при переходе к неолиту в лесном Среднем Поволжье не происходит существенных климатических изменений. Для этого времени, как показывают ранее проведенные работы (Никитин, 2011, с. 9), а также новейшие исследования авторов (Андреев, и др., 2020), характерна лесная растительность с отдельными открытыми пространствами. При этом наблюдаются определенные локальные вариации. Интересно отметить, что в основании культурного слоя стоянки Сокольный XII доминируют широколиственные породы, как и на отмеченной выше позднемезолитической Дубовской XIII. Данное обстоятельство, возможно, косвенно свидетельствует

о хронологической близости обозначенных памятников. Далее происходит постепенное увеличение хвойных пород в составе спектра древесной растительности (Сокольный VII и XVII, Дубовская VIII, Отарская VI).

Новый каменный век характеризуется сохранением определенной преемственности в традициях домостроительства (Кудашов, 2021). Продолжают сооружаться углубленные на 30–60 см полуземлянки площадью 20–60 кв. м, лишь на стоянке Отарская VI выявлено значительное количество жилищ без котлованов (10 из 16 построек). Конфигурация строений становится немного более разнообразной – наряду с прямоугольными бытуют подквадратные, подовальные, а также аморфные. Основным сырьем для изготовления орудий по-прежнему служит кремь вишневого и коричневого цветов валунного и плитчатого происхождения (Кудашов, 2023). Как отмечает В.В. Никитин, «если посмотреть на типологический состав каменного инвентаря обеих культур (*мезолитического и раннеолитического времени* – К.М. и А.К), то нетрудно заметить их значительную близость, а в некоторых случаях и идентичность» (Никитин, 2006, с. 256). Данный факт «приводит к мысли о значительном заимствовании типов орудий пришельцами от местного населения» (Никитин, 2006, с. 256). Немногочисленные нуклеусы сильно сработаны, аморфных очертаний, более выразительные представлены призматическими и коническими формами, ориентированными на получение пластин. Скрепки, как и в мезолитических комплексах, демонстрируют значительное типологическое разнообразие: концевые на пластинах, а также округлые, на три четверти, конце-боковые, стрельчатые и неустойчивых очертаний на отщепках и продольных сколах. Наконечники представлены треугольно-черешковой, иволистной и листовидной, редко ромбической формами, также присутствуют ланцетовидные острия, чье использование по данному назначению нельзя исключать. Наиболее устойчивый и выраженный тип резцов – на углу сломанной пластины. Проколки и ножи представлены теми же, что и в мезолите, изделиями. Бытуют аналогичные виды деревообрабатывающих орудий (топоры, тесла, редко долота), изготовленных в технике шлифования (Никитин, 2011). Среди отличительных черт можно отметить, некоторое сокращение

количества пластин в комплексах отдельных стоянок (Дубовская III – 12%, Отарская VI – 5–7%, Сокольный VII, XVII – 2–3%), хотя выявлены поселения, где данный показатель сопоставим с мезолитическим (Сокольный XII, Дубовская VII, VIII – около 20–25%). При этом на пластинчатых заготовках выполнена представительная серия изделий. Также в неолитических кремневых комплексах фиксируется применение бифасиальной ретуши при изготовлении отдельных категорий орудий и немногочисленные типы, не встречающиеся в мезолите (например, трапециевидное тесло с зауженным и приостренным насадом, линзовидного сечения). Представленные различия не носят принципиального характера и вполне могут являться результатом саморазвития. Таким образом, можно констатировать определенную преемственность в кремневых индустриях мезолитического и раннеолитического населения региона.

Для раннего неолита лесного Среднего Поволжья характерно распространение посуды без орнамента и украшенной наколами. На современном этапе изучения затруднительно утверждать хронологический приоритет одного из представленных типов, так как в жилищах фиксируется их совместное залегание. На некоторый хронологический приоритет посуды без орнамента указывают немногочисленные радиоуглеродные даты, однако данное положение нуждается в верификации. Оба типа посуды на поселениях достаточно многочисленны, приемы их конструирования устойчивы, а традиция орнаментации весьма развита. Технология изготовления с точки зрения исходного пластического сырья и формовочных масс во многом совпадает и имеет близость к елшанскому ареалу гончарных традиций (Васильева, Выборнов, 2015). Приведенные обстоятельства наводят на мысль о продолжительном этапе их бытования, не позволяя рассматривать в качестве наиболее древних в лесном Среднем Поволжье. Можно предполагать наличие более раннего импульса неолитизации, в то время как материалы некоторых опорных стоянок региона демонстрируют уже местную адаптацию ранних керамических традиций. Наконец, оговоримся, что прямое датирование керамики не всегда позволяет надежно определить приоритет того или иного типа, так как ставит перед исследователями необходимость

наличия статистически устойчивых выборок определений по каждому конкретному памятнику, чего пока нет (Выборнов, Никитин, 2016).

Исследователями предлагались различные варианты поиска источника неолитизации региона, ее корни усматривались в лесостепном и Нижнем Поволжье, Поднепровье и Подонье (Халиков, 1969; Васильев, Выборнов, 1988; Никитин, 2011). Работы последних лет в районе поселка Сокольный в южной части Республики Марий Эл позволили получить вполне определенные данные о лесостепном векторе связей обозначенного процесса, а именно с носителями елшанской культурной традиции. В ходе изучения стоянки Сокольный XII удалось обнаружить скопление фрагментов от сосуда с некоторыми отличиями от основного керамического комплекса памятника. Он имел слабопрофилированную верхнюю часть, миниатюрное плоское донце и был украшен кривой решеткой, образованной прочерченными линиями, в верхней трети (Андреев, Выборнов, 2020, с. 22). Аналогии данному сосуду прослеживаются в опорных комплексах елшанской культуры лесостепного Поволжья (Мамонов, 1999; Андреев, Выборнов, 2017). Примечательно, что с точки зрения морфологии он близок материалам стоянки Вьюново Озеро I, изученной в Среднем Посурье, где также обнаружено плоское донце небольших размеров (Березина, 2021, с. 124). При этом рассматриваемая стоянка получила серию достаточно надежных ранних дат, в том числе методами AMS, относящих время ее посещения к концу VII тысячелетия до н. э. (Выборнов, Березина, Березин, 2016). Возможно, этот регион являлся промежуточным звеном в продвижении отдельных раннеолитических групп елшанского населения на север. Важно заметить, что на стоянке Вьюново Озеро I выявлены развал сосуда и фрагменты примерно еще от пяти горшков, а также скромная коллекция изделий из кремня – менее 30 единиц (Березина, 2021, с. 116–125). Указанные обстоятельства позволяют предполагать, во-первых, непродолжительное время функционирования памятника, а во-вторых, малый размер проживавшей на нем группы. Вероятно, аналогичная ситуация характерна и для Сокольного XII, где получен лишь один развал сосуда обозначенного типа.

Представленные обстоятельства позволяют нам предполагать отличный от лесостепного характер неолитизации лесного Среднего Поволжья. Отмеченная близость кремневых индустрий мезолитических и неолитических стоянок свидетельствует о преемственности между ними. Отдельные различия могут быть обусловлены саморазвитием традиций кремнеобработки. Предположение о полном заимствовании всего спектра орудий и приемов расщепления сырья пришлым населением под влиянием природно-климатических факторов представляется маловероятным. В данном случае мы, видимо, наблюдаем процесс диффузии небольших раннеолитических групп лесостепного происхождения в сопредельные регионы. Происходит их взаимодействие с мезолитическим, аборигенным населением, в результате которого последние знакомятся с глиняной посудой, а «пришельцы растворяются» в лесном Среднем Поволжье. Первые сосуды, вероятно, использовались не по прямому назначению в утилитарных целях – приготовление пищи, об этом косвенно свидетельствуют небольшие размеры наиболее ранних горшков и отсутствие на них нагара. При этом раннеолитические емкости лесного Среднего Поволжья не являются копией елшанских. Примечательно, что традиция украшения внешней поверхности керамических изделий прочерченными линиями в Марийском Поволжье не прижилась и единично фиксируется в комплексах лишь отдельных стоянок. Также не характерны для лесного региона пояски ямок-жемчужин под срезом венчика, распространенные в лесостепи, не выявлены острые донца.

Заключение

Подводя итог, отметим основные положения, предлагаемые к обсуждению в рамках представленной статьи. Неолитизация нами связывается с появлением и распространением отдельных составляющих «неолитического пакета», в первую очередь глиняных сосудов. В лесостепном Поволжье данный процесс проходил в результате миграции новых групп населения. Фиксируются принципиальные отличия кремневых индустрий мезолитических и раннеолитических насельников региона, что не позволяет проследить между ними связь. Вероятно, спустя некоторое время знакомое с навыками керамического производства население из лесостепи в резуль-

тате диффузии проникает в сопредельные регионы. Одним из таковых является лесное Среднее Поволжье. Здесь начало изготовления керамики не сопровождалось масштабными изменениями в домостроительстве и кремнеобработке. Прослеживается преемственность в технологии и конкретных типах каменных орудий труда между мезолитическими и раннеолитическими комплексами. По всей видимости, навыки изготовления глиняной посуды, после их первичного освоения, были адаптированы местным населением, что придало посуде определенное своеобразие.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев К.М., Выборнов А.А.* Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара: ООО «Порто-Принт», 2017. 272 с.
- Андреев К.М., Выборнов А.А.* Миграции и диффузии в неолитизации Поволжья // *Stratum plus*. 2020. № 2. С. 15–30.
- Андреев К.М., Выборнов А.А., Кудашов А.С., Алешинская А.С., Васильева И.Н.* Поселение Сокольный VII – новый памятник раннего неолита Республики Марий Эл // *Поволжская археология*. 2020. № 3(33). С. 64–83.
- Андреев К.М., Ластовский А.А.* Мезолит лесостепного Поволжья // *Каменный век / Археология Волго-Уралья*. Т. 1 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 185–194.
- Андреев К.М., Андреева О.В., Алешинская А.С., Кулькова М.А., Бурьгин М.А.* Стоянка Кочкари I – новый памятник позднего мезолита лесостепного Поволжья (итоги исследования) // *РА*. 2023. №1. С. 7–24.
- Березина Н.С.* Каменный век Чувашского Поволжья / *Археология Евразийских степей*. 2021. № 1. С. 8–261.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А.* Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.
- Васильева И.Н., Выборнов А.А.* Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // *Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье / АЭМК*. Вып. 31. / Отв. ред. Б.С. Соловьев, А.В. Михеев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. С. 68–98.
- Выборнов А.А., Березина Н.С., Березин А.Ю.* Хронология неолита Посурья // *Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э.* / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 107–115.
- Выборнов А.А., Никитин В.В.* Радиоуглеродные данные по неолиту Марийского Поволжья. // *Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э.* / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 123–128.
- Колпаков Е.М., Киселева А.М., Ткач Е.С.* «Неолит» в системе трех веков // *Stratum Plus*. 2023. № 2. С. 183–192.
- Косорукова Н.В.* Особенности кремневого инвентаря мезолитической стоянки Погостище 15 в бассейне озера Воже // *Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене* / Отв. ред. Д.В. Герасимов. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 67–71.
- Кудашов А.С.* Позднемезолитический и раннеолитический кремневый инвентарь Марийского Поволжья // *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре*. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 162–164.
- Кудашов А.С.* Жилища мезолита и раннего неолита Марийского Поволжья // *Самарский научный вестник*. 2021. Т. 10. № 1. С. 173–176.
- Кудашов А.С.* О раннеолитическом каменном инвентаре Марийского Поволжья // *Археология Евразийских степей*. 2023. № 1. С. 263–270.
- Ластовский А.А.* Мезолит // *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней*. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 81–140.
- Мазуркевич А.Н., Зайцева Г.И., Кулькова М.А.* Неолитизация Восточной Европы сквозь призму радиоуглеродных данных // *Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене* / Отв. ред. Д.В. Герасимов. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 91–96.
- Мамонов А.Е.* О культурном статусе елшанских комплексов // *Вопросы археологии Поволжья*. Вып. 1 / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1999. С. 15–43.

Никитин В.В. На стыке двух эпох (к вопросу о раннем неолите лесной полосы Среднего Поволжья) // Тверской археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2006. С. 254–259.

Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья / Труды МарАЭ. Т. IX. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.

Никитин В.В. Мезолит Марийского Полесья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. 264 с.

Ошибкина С.В. Мезолит Центральных и Северо-Восточных районов Севера Европейской части СССР // Мезолит СССР / Археология СССР / Отв. ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989. С. 32–45.

Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 6–9.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1986. 180 с.

Смольянинов Р.В. Ранний неолит Верхнего Дона. Липецк, Саратов: Десятая Муза, 2020. 400 с.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита европейской России по данным палинологического анализ // РА. 1999. №1. С. 23–33.

Ставицкий В.В. Дискуссионные вопросы изучения раннеолитических памятников Среднего Поволжья // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 5-1 (59). С. 87–89.

Сурков А.В. Неолитические памятники Среднего Похоперья. Воронеж: ВГПУ, 2007. 122 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Шмидт А.В., Кардаш О.В., Лунс С.А. К проблеме внедрения новых технологий в камнеобработке в эпоху раннего голоцена на территории Среднеобской низменности (на примере поселения Балинское-73) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. I / Ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. Ун-та, 2017. С. 1167–1168.

Dolbunova, E., Lucquin, A., McLaughlin, T.R. et al. The transmission of pottery technology among prehistoric European hunter-gatherers // Nature Human Behaviour. 2023. № 7. P. 171-183.

Zvelebil M. Who were we 6000 years ago? In search of prehistoric identities. In M. Jones (Ed.). Traces of Ancestry: Studies in Honour of Colin Renfrew. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2004. P. 41-60.

Информация об авторах:

Андреев Константин Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); konstantin_andreev_88@mail.ru

Кудашов Александр Сергеевич, лаборант, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); aleksandr.kudashov@gmail.com

REFERENCES

Andreev, K. M., Vybornov, A. A. 2017. *Ranniy neolit lesostepnogo Povolzh'ya (elshanskaya kul'tura) (Early Neolithic of the forest steppe Volga region (Elshanka culture))*. Samara: "Porto-Print" Publ. (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A. 2020. In *Stratum Plus* (2), 15–30 (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Kudashov, A. S., Aleshinskaya, A. S., Vasilyeva, I. N. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 33 (3), 64–83 (in Russian).

Andreev, K. M., Lastovsky, A. A. 2021. Sitdikov, A. G., Galimova, M. Sh. (eds.). *Kamennyi vek (Stone Age)*. Series: *Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals)* Vol. 1. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 185–194 (in Russian).

Andreev, K. M., Andreeva, O. V., Aleshinskaya, A. S., Kulkova, M. A., Burygin, M. A. 2023. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 7–24 (in Russian).

Berezina, N. S. 2021. *Kamennyi vek Chuvashskogo Povolzh'ia (Stone Age of the Chuvash Volga Region)*. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 8–231 (in Russian).

Vasiliev, I. B., Vybornov, A. A. 1988. *Neolit Povolzh'ya (step' i lesostep') (Neolithic of the Volga region (steppe and forest-steppe))*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vasilyeva, I. N., Vybornov, A. A. 2015. In Solov'ev, B. S., Mikheev, A. V. (eds.). *Voprosy arkheologii epokhi kamnia i bronzy v Srednem Povolzh'e i Volgo-Kam'e (Issues of the Archaeology of Stone and Bronze Ages in Middle Volga and Volga – Kama Areas)*. Series: *Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archae-*

ology and Ethnography of Mari Land) 31. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 68–98 (in Russian).

Vybornov, A. A., Berezina, N. S., Berezin, A. Yu. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A. A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: “Svitok” Publ., 107–115 (in Russian).

Vybornov, A. A., Nikitin, V. V. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A. A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: “Svitok” Publ., 123–128 (in Russian).

Kolpakov, E. M., Kiseleva, A. M., Tkach, E. S. 2023. In *Stratum Plus* (2), 183–192 (in Russian).

Kosorukova, N. V. 2017. In Gerasimov, D. V. (ed.). *Kul'turnye protsessy v tsirkumbaltiyskom prostranstve v rannem i srednem golotsene (Cultural processes in the Circum-Baltic space in the Early and Middle Holocene)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 67–71 (in Russian).

Kudashov, A. S. 2020. In Derevianko, A. P., Makarov N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress at Samara)* Vol. I. Samara: Samara State Pedagogical University, 162–164 (in Russian).

Kudashov, A. S. 2021. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 10 (1), 173–176 (in Russian).

Kudashov, A. S. 2023. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 263–270 (in Russian).

Lastovsky, A. A. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dni. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 81–140 (in Russian).

Mazurkevich, A. N., Zaitseva, G. I., Kulkova, M. A. 2017. In Gerasimov, D. V. (ed.). *Kul'turnye protsessy v tsirkumbaltiyskom prostranstve v rannem i srednem golotsene (Cultural processes in the Circum-Baltic space in the Early and Middle Holocene)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 91–96 (in Russian).

Mamonov, A. E. 1999. In Vasiliev, I. B. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 1. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 15–43 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2006. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 6. Tver: Tver State United Museum, 254–259 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2011. *Rannii neolit Mariiskogo Povolzh'ia (Early Neolithic of the Mari Volga Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IX. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Nikitin, V. V. 2018. *Mezolit Mariyskogo Poles'ya (Mesolithic of Mari Polesie)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1989. In Koltsov, L. V. (ed.). *Mezolit SSSR (USSR Mesolithic)*. Series: Arkheologiya SSSR (USSR Archaeology). Moscow: “Nauka” Publ., 32–45 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1996. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Neolit Severnoi Evrazii The (The Neolithic of Northern Eurasia)*. Moscow: “Nauka” Publ., 6–9 (in Russian).

Sinyuk, A. T. 1986. *Naselenie basseyna Dona v epokhu neolita (Population of the Don River Basin in the Neolithic Period)*. Voronezh: “Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet” Publ. (in Russian).

Smolyaninov, R. V. 2020. *Early Neolithic of the Upper Don: Monograph*. Lipetsk, Saratov: “Desyataya Muza” Publ. (in Russian).

Spiridonova, E. A., Aleshinskaya, A. S. 1999. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 23–33 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2017. In *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal (International Research Journal)* 5–1 (59), 87–89 (in Russian).

Surkov, A. V. 2007. *Neoliticheskie pamyatniki Srednego Pokhoper'ya (Neolithic sites of the Middle Khopyr or River region)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Schmidt, A. V., Kardash, O. V., Lips, S. A. 2017. In Derevianko A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *Trudy V (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe (Proceedings of the 5th (21th) All-Russia Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha)* I. Barnaul: Altai State University, 1167–1168 (in Russian).

Dolbunova, E., Lucquin, A., McLaughlin, T.R. et al. 2023. In *Nature Human Behaviour*. 7, 171–183.

Zvelebil, M. 2004. In Jones, M. (ed.). *Traces of Ancestry: Studies in Honour of Colin Renfrew*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 41–60.

About the Authors:

Andreev Konstantin M. Candidate of Historical Sciences, Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; konstantin_andreev_88@mail.ru

Kudashov Alexander S. laboratory assistant of the Scientific Research Department, Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; aleksandr.kudashov@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу